

8. Закон Республики Казахстан от 12 января 2007 года №221 «О порядке рассмотрения обращений физических и юридических лиц» (по состоянию на 1 января 2018 года): <http://adilet.zan.kz/rus>

9. Сапарғалиев Г.С. Конституционное право Республики Казахстан. – Алматы: Жеті Жарғы, 2002. - 528с.

10. Мухамеджанов Э.Б. Избирательное право Республики Казахстан: теоретико-правовые вопросы. - Алматы: Жеті - Жарғы. - 2001.- 176 с.

11. Сарсембаев М.А. Международные стандарты защиты прав человека и их имплементация в судебных решениях. – Астана, 2016.- 142 с.

12. Ищенко Е.П., Ищенко Е.П. Избирательные споры: возникновение, разрешение, предупреждение. - М., РЦОИТ. - 2002. -144 с.

13. Казанцев А.О. Избирательные споры в Российской Федерации: Конституционно-правовое исследование: Дис ... канд. юрид. наук: 12.00.02.: Челябинск, 2005.- 205 с.

14. Охотников Р.А. Понятие и правовая природа избирательных споров // Конституционное и муниципальное право. - 2017.- №6. - С.20-23.

15. Боброва М.В. Рассмотрение жалоб избирательными комиссиями как показатель качества их работы. // Гражданин, выборы, власть. Материалы 2 международной научно-практической конференции Пятигорск, 25-26 ноября 2015 года.- С. 58-64.

16. Карагодина О.Н. Судебная защита как высший уровень юридического обеспечения избирательных прав граждан // Гражданин, выборы, власть. Материалы 2-й международной научно-практической конференции. Пятигорск, 25-26 ноября 2015 года.- С. 176-182.

17. Шмыгалева В.С., Подкопаева О.М. Рассмотрение и разрешение избирательных споров в избирательных комиссиях// Гражданин, выборы, власть. Материалы 2 международной научно-практической конференции. Пятигорск, 25-26 ноября 2015 года.- С.394-397.

18. 17. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 года №377 -V(с изменениями и дополнениями от 1 января 2018 года):<http://adilet.zan.kz/rus>

19. Code of Good Practice in Electoral Matters, adopted by the Venice Commission of the Council of Europe in 2002: [http://venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL\(2002\)139-f](http://venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL(2002)139-f)

20. Document of the Copenhagen Meeting of the Conference on the Human Dimension of the CSCE (29 June 1990): <https://www.religlaw.org/content/religlaw/documents/copenmtghdimcsce1990.htm>

21. Финальный отчет Миссии БДИПЧ/ОБСЕ по наблюдению за внеочередными парламентскими выборами в Республике Казахстан от 20 марта 2016 года:<https://www.election.gov.kz/rus/>

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВОСОЗНАНИЕ И ТРАДИЦИИ ПРАВОВОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ГОСУДАРСТВА

Задорожный Б.Ю., секретарь Комитета защиты профессиональных прав адвокатов и гарантий адвокатской деятельности Совета адвокатов Киевской области, Украина

Правосознание – историческая категория, формирование которой составляет неотъемлемую составляющую цивилизационного развития. Доктрина права трактует правосознание как систему идей, представлений, эмоций и чувств, которые выражают отношение индивида, группы, общества к действующему, прошлому и желаемому праву, а также к деятельности, связанной с правом [1]. Аксиологическая сущность правосознания усматривается в осознании человеком, гражданским обществом ценностных свойств права, в том числе прав и свобод человека и гражданина, конституционных обязанностей государства, их гарантий и т. п. Высокий уровень правосознания членов общества отрицает автоматическое восприятие права как ценностной социальной категории, поскольку нередко верховенство закона в национальной правовой системе не гарантирует демократического, правового и социального развития самого государства. Следовательно, лицо и общество в целом, будучи носителями правосознания, оценивают право сквозь призму собственных ценностей, потребностей и пожеланий.

Государство и общество связаны между собой цепью политических, экономических, социальных, культурных и правовых связей. Неотъемлемым элементом правовых связей есть обязанности, в частности обязанности государства, важной гарантией реализации которых является их надлежащее правовое нормирование.

Исследование вопроса правового закрепления конституционных обязанностей государства методологически можно осуществлять различными способами: по юридической силе правовых актов, в которых они объективированы; по субъектам принятия правовых актов; по сферам государственного управления; по времени их унормирования в нормативно-правовых актах государства, к которым обращены такие обязанности. Очевидно методологически правильно и целесообразно осуществлять исследование правового регулирования обязанностей европейских государств по крайнему критерию. Такой подход позволит не только выяснить истоки институционализации обязанностей государства, определить хронологию генеалогических изменений обязанностей государства, но и проанализировать правовые акты, которые стали формой объективизации таких обязанностей.

Правовые акты античных государств составили нормативную основу институционализации обязанностей государства.

Древнеримский юрист Помпоний писал: «В начале нашего государства народ действовал без определенного закона, без определенного права, все управлялось властью царей» [2; 295]. Однако со временем нормативные правила стали неотъемлемой частью правового регулирования отношений в древних государствах, что свидетельствует о развитии определенного уровня правосознания античного общества.

Правитель Ликург (Lykurg) инициировал принятие в античной Спарте, так называемых «законов Ликурга» (VIII– VII вв. до н.э.). Они действовали почти пять веков подряд, благодаря чему было утверждено демократическую форму публичного властвования, проведено социально-экономическую, земельную и другие реформы. Важность законов в контексте исследования данной темы заключается и в том, что они содержали положения обязательственного характера по отношению к государству. Так, «Законы Ликурга» решили, что «воспитание народа является высшим и лучшим обязательством правителя и государства», поскольку это будет способствовать его «укреплению». Кроме того, уровень правосознания тогдашнего общества требовал возложения на государство такого важного долга как обеспечение равенства всех граждан Спарты, для чего были проведены правовая и земельная реформы (земля была возвращена в собственность государства, а затем ровно распределена между ее гражданами) [2; 151 – 155].

Горгинские законы (VI в. до н.э.), которые были приняты в греческом городе-полисе Горгин, имели Главу IX «Об обязанностях». Положения законов содержали ряд предписаний обязательственного характера для рядовых граждан (уплата налога, возврат долга и др.). Однако и на государство Горгинские законы возлагали отдельные обязанности, в частности обязанность обеспечить каждому законные личные, имущественные, семейные и родительские права [2; 139]. Итак, законодательные акты отдельных античных государств унормировали практику возложения на государство определенных обязательств, совершение которых осуществляется в общественных интересах.

Законодательство Римского государства внесло свой вклад в генезис правового регулирования обязанностей государства. В общем античная история «римского периода» крайне небогата в аспекте наличия правовых актов, предметом правового регулирования которых являются обязанности государства. К таким актам относится, например, Конституция Юстиниана (Deo auctore) от 15 декабря 530 г. Там указано, что из всех государственных дел «нельзя найти что-то более важное» чем принятие законов, которые должны «наводить порядок в делах божественных и человеческих, выгонять всяческую несправедливость»[3; 27].

Содержание этой и других конституций Римского государства (например, Конституция Каракаллы от 212 г.) позволяет сделать выводы: а) право античного Рима, несмотря на то, что оно не выработало единого образца конституции, положило начало конституционному нормированию обязанностей государства; б) уровень правосознания античного общества требовал от Римского государства признания своих же основополагающих обязанностей, которыми были необходимость принятия законов и обеспечение справедливости в обществе.

После распада Римской империи на геополитической карте мира возникла Византийская империя. В Эклогах, составленных по решению византийских императоров Льва и Константина, мы не находим прямых указаний обязательственного характера, обращенных к государству. Однако данный закон в целом отводит государству роль надежного, безапелляционного и правосудного управителя отношений в обществе на основе правовых, религиозных, моральных, этических и других требований. В предисловии к Эклогам императоры, обращаясь к судьям как к лицам, которые по поручению государства осуществляют правосудие, указали: «... мы рекомендуем и вместе с тем приказываем воздерживаться от всевозможных человеческих страстей и выносить решения, исходя из

здравых суждений по истинной справедливости; не пренебрегать бедных, не оставлять без преследования того, кто несправедливо поступил, будучи властным» [2; 342]. Законы епархий (911 – 912 г.) обязали Византийскую империю составить новые законы государства или упорядочить и систематизировать действующие.

Из содержания правовых актов Византийской империи становится очевидно, что законодательством на государство возлагалась такая обязанность публичного характера как объединение общества в рамках единого политического, правового, социального и религиозного пространства. Византия, несмотря на введение христианской религии как государственной, взяла на себя обязательства соблюдать веротерпимость в отношении тех граждан, которые исповедовали другие религии и проживали на ее территории. Такая обязанность государства красной нитью пронизывает впоследствии законодательство других стран, в том числе современных (Албания, Испания, Италия, Польша, Франция, Украина).

Правовые акты стран континентальной средневековой Европы также содержали положения, которые прямо или косвенно определяли обязанности государства.

Одним из таких актов является Салическая правда (*Lex barbarorum*) (V – VI в.), имеющий раздел «Об обязанностях» (*De fides factas*). В этом разделе речь идет не об обязанностях государства, а об обязанностях граждан. Однако из содержания документа следует, что принятие Правды было обусловлено необходимостью выполнения государством таких обязанностей: во-первых, «обеспечение внутреннего мира» в государстве; во-вторых, «обеспечение принятия правосудных решений» по «качеству» поступков [2; 396, 429].

Формулы Маркульфа (VIII в.) обязывали государство в лице его короля «предоставлять полезные привилегии церкви или кому-либо другому», поскольку при «Божьем покровительстве» государство сохраняет свою прочность. Так, государство взяло на себя обязательство осуществлять контроль, чтобы с каждого поместья при рождении сына у короля франков были отпущены на свободу «по трое рабов обоего пола». Такое обязательство государства выполнялось, «чтобы милосердие Божие удостоило ему [новорожденному - ЗБ] долгие годы жизни» [2; 396, 429].

Законы короля Кнута (*Cnut's Oxford code*) (1018) по способу принятия были откритыми, поэтому они фактически не содержали прямых обязанностей государства, поскольку сам монарх олицетворял публичную власть в тогдашнем государстве. Однако король, будучи правосознательным правителем, понимал, что управление государством не может быть произвольным, публичное управление должно осуществляться в рамках определенных императивных правил.

Первое, что необходимо, как доказывал король Кнут, объединить и укрепить государство, а для этого необходимо «иметь хорошие законы и упорно уничтожать всякое беззаконие и всю несправедливость, которая только возможна в стране. И пусть утвердится правда Божия и пусть отныне каждый, бедный и богатый, будет под защитой народного права, и пусть судят их по справедливости» [4; 85].

Однако король Кнут, по нашему мнению, лукавил, когда доказывал необходимость уничтожения в государстве «всякого беззакония» ради «справедливости». На самом деле он ставил себе в обязанность усилить монаршую власть и централизовать государство, а формирование единой государственной судебной системы служило этой цели.

Английский ученый Ф. Х. Лоусон в своей работе «Рациональный потенциал английского права» указал, что в результате таких законодательных реформ местные суды баронов, суды помещиков постепенно были вытеснены Судами графств (*Country Courts*), Судами сотен (*Hundred Courts*) [5; 3, 86], благодаря чему тенденции централизации государственной власти становились ощутимыми для общества.

Итак, обязанности государства утверждаются с добровольно взятых на себя обязательств правителя государства, поскольку последний выступал законодателем. Это, во-первых. Во-вторых, истина необходимости выполнения тех или иных обязанностей правителя государства нередко была политически завуалированной, благодаря чему публичной власти легче было навязать свою волю обществу, что есть ментальным проявлением уровня правосознания средневековых правителей.

Правовые акты английского права внесли свой вклад в процесс правового регулирования обязанностей государства. Например, Хартия Генриха I (1100) установила долг для монарха и государства: «соблюдать мир во всем королевстве» [6; 44, 45]. Государство в лице короля обязано было по этой Хартии выступить гарантом уничтожения «всех плохих обычаев», связанных с «несправедливым взысканием» имущества в пользу государства, а «святую Божию церковь сделать свободной». Содержательно близкими к приведенным выше обязанностям государства были те, что содержались в Великой Хартии вольностей (1215). Так, государство взяло на себя обязательства:

гарантировать английской церкви неприкосновенность ее свободы, прав и вольностей, «не нарушать законные права и вольности» (*libertates suas illesas*) графов, баронов и другой знати [6; 97]. В общем Хартия подтвердила обязанность государства не только признать эти вольности, но и стать гарантом их обеспечения.

Глостерский устав (1278) принят во исполнение такой обязанности государства: «исправление недостатков и совершенствование администрации и правосудия» как того «требует благо народа и обязанность короля» [7; 210]. По сути этот закон возлагал на государство обязанность защищать сословные права и вольности в судебном и административном порядке.

Знаковым для исследования этой темы является Устав о неналожении налогов (1297), который обязал государство не взимать какие-либо штрафы и ограничения «без воли и согласия» на это графов, баронов, рыцарей, епископов [8; 287]. Устав регламентировал обязательство государства воздерживаться от определенных действий. Таким образом, в период средневековья правовыми актами, регулирующими обязанности государства, были: Эклоги, Законы, Хартии, Уставы, Правда, а не конституции. Однако возникает вопрос: какое место занимали конституции в правовой системе тогдашних европейских стран.

Отдельные ученые доказывают, что с падением Римской империи слово «конституция» вышло из речевого обихода [9; 289]. Однако профессор В. Ф. Погорилко утверждал, что термин «конституция» как наименование актов церкви, употреблялся в средневековом каноническом праве европейских стран (Павийская Конституция 1037, Конституция ордена монахов) [10; 364 – 365] и т.д. Мы считаем, что позиция В. Ф. Погорилка не является безосновательной. Так, Павийская Конституция (1037) установила, что государству запрещено: безосновательно лишать права собственности подданных, изменять волю наследодателя и забирать имущество в одаренного, в том числе и феода [2; 627].

Другие законодательные акты английского права также содержали обязательственные требования ограничительного характера о деятельности государства. Например, Петиция о праве от 7 июня 1628 г. установила обязанность государства осуществлять наказания виновных только по решению суда, а привлекать к смертной казни только «на основании законов, установленных в королевстве или на основе решений парламента» [11; 3].

В то же время Орудие управления от 13 декабря 1653 г. возлагали на государство (в лице лорда-протектора) следующие обязанности: поддерживать и укреплять добрососедские отношения с другими странами, не возлагать новых налогов на народ без его согласия, принуждать к исповеданию государственной религии, но приобщать их к церкви «надлежащими установками и примером хорошего поведения», не преследовать иноверцев.

Таким образом, приведенные и другие законодательные акты английского права, с одной стороны, приказывали государству делать то, что должно быть сделано (в частности, обеспечить мир в государстве (Нортгемнтский устав от 1328 г.) [7; 245, 247], осуществить централизацию государства, защищать сословные права и вольности), а с другой – запрещали делать то, что не должно быть сделано, например, не обременять подданных короля налогами без их на то согласия, не навязывать им уплату внесудебных штрафов, не нарушать сословные права и вольности и т. п. Из приведенного следует, что тогдашнее общество было сознательно того, что за пределами права цивилизация существовать не может, однако общество может использовать право в своих интересах, в частности обязать государство ограничить свое властное влияние на общество.

Правовые акты отдельных европейских монархов содержали обязательства, которые в основном были обращены не к государству, а к королю как представителю государства. Правила обязательственного характера содержались даже в частноправовых актах монархов. Так, французский король Филипп II Август в своем Завещании (1190) обязал королеву один день каждые четыре месяца выслушивать жалобы «подданных своего государства» [2; 367]. Однако такие обязательства имели достаточно условный характер, поскольку не были определены гарантии их реализации.

Новейший период цивилизационного развития привнес свои традиции правового регулирования обязанностей государства. Конституция Норвежского королевства от 17 мая 1814 г. не апеллирует к государству, как к субъекту публичных обязанностей, однако гарантирует «всем жителям государства свободу религиозной совести» (§ 2), а также в «обязанности государственных органов», которые ее представляют, она ставит «создание условий, чтобы каждый способный к труду человек мог обеспечивать свое содержание собственным трудом» (§ 110); «Уважение и охрану прав человека» (§ 110). В то же время, правовое регулирование прав человека, определенных в § 110 этой Конституции, начиная с 15 июля 1994 г., конкретизируются отдельным Законом государства.

Конституция Великого герцогства Люксембург от 17 октября 1868 г. прямо определила обязанности государства и урегулировала гарантии их обеспечения. «Государство гарантирует естественные права человека и семьи; гарантирует право на труд и обеспечивает каждому гражданину осуществление этого права; организует социальное обеспечение, охрану здоровья; гарантирует профсоюзные свободы; свободу торговли и промышленности, свободу занятия профессии»(ст. 11); гарантирует индивидуальную свободу каждому (ст. 12) (Конституция Великого герцогства Люксембург от 17 октября 1868 г.). Механизмы обеспечения гарантий обязанностей государства объективируются в основном в форме политико-правовой ответственности чиновников, других должностных лиц, государственных органов (статьи 81, 82 этой же Конституции) [12].

Итак, конституции Новейшей истории установили обязанности государства, предметом правового регулирования которых были прежде всего права человека, а не вопросы обороны, безопасность или экономическое развитие государства. Эти обязательства в основном обращены не к государству, а к органам исполнительной власти. Заслуживает внимания и то, что цитируемые и другие конституции европейских государств в основном определили гарантии обеспечения обязанностей государства.

Последнее столетие привнесло свои традиции в нормирование конституционных обязанностей государства. Так, Конституция Франции от 4 октября 1958 г. впервые урегулировала «презумпции-обязательства», которые ставят государство перед фактом необходимости воздержания от определенных действий, например, запрет на отмену республиканской формы правления (ст. 89).

Принимая во внимание изложенное, а также учитывая анализ правового регулирования обязанностей государства в национальных правовых системах, утверждение которых корреспондирует уровню ментального правосознания современного общества, приходим к таким обобщениям: а) высокий уровень правосознания членов общества отвергает автоматическое восприятие права как ценностной социальной категории, поскольку верховенство закона в национальной правовой системе не всегда гарантирует утверждение демократического, правового и социального государства, поэтому представители общества оценивают право сквозь призму собственных ценностей, потребностей и пожеланий; б) обязанности государства стали неотъемлемой составляющей современных конституций (Франции, ФРГ, Польши, Чехии и др.), а их содержание в основном очерчено вопросами обеспечения суверенитета, территориальной целостности, национальной безопасности и естественных прав и свобод человека и гражданина; в) обязанности государства практически всегда объективируются в форме активного (необходимость совершения определенных общественно значимых действий) и пассивного (необходимость воздержания от совершения определенных действий) обязательств; г) конституциям современных государств в основном присущ инкосистентный, то есть непоследовательный, характер нормирования обязанностей государства, что должно стать предметом научных исследований и дальнейших законодательных изменений.

Список литературы:

1. Скакун О. Ф. Теорія держави і права / Скакун О. Ф. ; пер. з рос. – Х. : Консум, 2001. – 656 с.
2. Хрестоматія по історії державства і права зарубіжних стран. В 2 т. / Отв. ред. Н.А. Крашенинникова. Т. 1. Древний мр и Средние века / Сост. О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз. – М.: НОРМА, 2003. – 816 с.
3. Дигесты Юстиниана / Пер. с лат. Отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. 1. – М.: Статут, 2008. – 584 с.
4. Хрестоматія пам'яток феодального державства і права стран Європи / Под.ред. В. М. Корецького. – М.: Гос. изд. юр. лит., 1961. – 378 с.
5. Lawson F.H. The Rational Strength of English Law. – L.: Stevens & Sons Limited, 1951. – 148 p.
6. Пам'ятники історії Англії XI – XIII вв. / Пер. с лат. Д. М. Петрушевського. – М. : Госоцекіздат, 1936. – 238 с.
7. Хрестоматія пам'яток феодального державства і права стран Європи / Под ред. акад. В. М. Корецького. – М.: Госюриздат, 1961. – 960 с.
8. Черниловский З.М. История феодального державства і права. – М., 1959. – С. 287.
9. Шаповал В.М. Конституція // Юридична енциклопедія: В 6 т. / редкол.: Ю.С. Шемшученко (голова редкол.) та ін. – Т. 3: К – М. – К.: Укр. енцикл., 2001. – 792 с.
10. Погорілко В. Ф. Конституційне право України : підруч. [акад. курс]: у 2 т. – Т.1 / В. Ф. Погорілко, В.Л. Федоренко. – К.: Юридична думка, 2006. – 544 с.

11. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран. В 2 т. / Отв. ред. Н.А. Крашенинникова. Т. 2. Современное государство и право / Сост. О.Л. Лысенко, Е.Н. Трикоз. – М.: НОРМА, 2003. – 672 с.

12. Конституція Великого герцогства Люксембург від 17 жовтня 1868 р. // <http://nbuviap.gov.ua/asambleya/constitutions.php>

TRENDS AND CHALLENGES FOR MINORITY PROTECTION IN BULGARIA

D. Chankova, South-West University, Blagoevgrad, Bulgaria

Ne varietatem timeamus!

Prologue

The Balkan peninsula is one of the most ethnically, linguistically and religiously complex area in Europe. The Ottoman rulers in the Balkans were essentially not assimilative; rather multinational without technological and institutional facilities for integrating and unifying. Peoples of the Balkans managed to retain their separate identities and cultures. However, diversity has always created troubles [1, 7].

Nowadays the protection of historically formed and new minorities faces new challenges.

They are due not only to the increasing complexity and diversity of our societies. Some global phenomena such as migration flows, the economic crisis and growing insecurity contributed a lot to deepening the problem.

While legislation protecting the rights of persons belonging to minorities has generally become more advanced than in the past, the challenge lies in its implementation. This is a challenge that, in my view, should be embraced by society as a whole. Only integrated and inclusive societies where diversity is embedded, valued and lived can ensure the effective protection of minority rights [2, 37].

Bulgarian landscape

In recent years Bulgaria has become a more and more multicultural society. It has never been a single ethnic state and for long years Bulgarians have lived well with Turks, Armenians, Jews, etc. However, lately the landscape has changed dramatically.

According to the last census (2011) the total Bulgarian population is 7 354 570 persons. According to the last National Statistics Institute's data available towards 31 December 2015 the population is 7 152 784. It's *ethnic make-up* is as follows:

- ◆ Bulgarians - 76.9 %
- ◆ Turks - 8.0 %
- ◆ Roma – 4.4 %
- ◆ Other ethnoses or undefined - 10.6%

The main *languages spoken* respectively are:

- ◆ Bulgarian
- ◆ Turkish
- ◆ Roma
- ◆ Russian
- ◆ Armenian
- ◆ Hebrew, etc.

Concerning *religious affiliation*, the composition is:

- ◆ Orthodox - 59.39 %
- ◆ Catholics - 0.66 %
- ◆ Protestants - 0.89 %
- ◆ Mochammedans - 7.83 % (including Pomacs - islamicised Bulgarians)
- ◆ Other - 0.15 %
- ◆ No affiliation - 3.69 %
- ◆ No self-determination - 5.56 %

Brief analysis

Due to demographic, economic and other reasons the number of ethnic Bulgarians is continually decreasing. Reciprocally, the number of Roma population is increasing. Their mentality is quite different and they tend to live in segregation. The attempt undertaken for integration, education, employment, etc. has failed.